

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ЭК

пр

Библіографія.

Фидель. Новая книга о Чеховъ (ложь въ его творчествѣ). С.-П.-Б. 1909, ц. 60 к.

Скверная книга. Неизвѣстный авторъ, по его словамъ, 19 лѣтъ молча слѣдилъ за развитіемъ литературнаго творчества Чехова. И 19 лѣтъ тому назадъ онъ не мирился съ Чеховымъ, но тогда что могъ противопоставить «большому художнику» авторъ—«юноша съ голымъ, почти инстинктивнымъ сретичествомъ»? Теперь обстоятельства дѣла измѣнились. Юноша сдѣлался взрослымъ мужемъ. Онъ, во собственному скромному признанію, «анѣдрился въ глубину» русской жизни, «честно и любовно залѣзъ въ душу русскихъ людей», выяснилъ «сущность вещей и отношеній». И вотъ во всеоружіи истины отъ является грознымъ судьей Чехова. Пишетъ книгу, въ которой доказываетъ «ложь творчества» Чехова. Оказывается, что Чеховъ страдалъ ужасною болѣзью, а потому «ложь въ его творчествѣ была чисто органическая». Оказывается, что Чеховъ—пессимистъ, а потому въ его творчествѣ «получалась фальшь, натура извращалась». Оказывается, что у Чехова не было никакого міросозерцанія и что «этотъ общественно-политическій индифферентизмъ и обусловилъ жестокость, съ которой онъ прикасался къ больнымъ мѣстамъ русской жизни». Оказывается, что онъ не зналъ русской жизни совершенно и вслѣдствіе этого клеветалъ и на русскихъ студентовъ, и на русское чиновничество, и на русскую женщину, и на русскій народъ...

Скверная книга. По человѣчеству мож-о пожалѣть автора, который въ теченіе 19 лѣтъ готовилъ къ печати книгу, въ основѣ которой лежитъ или самая беззастѣнчивая ложь, или поразительное невѣжество и скудоуміе. Ибо писать о Чеховѣ то, что написалъ г. Фидель, это значитъ—или сознательно лгать или не понимать. Шагъ за шагомъ, страница за страницей можно было бы разбить всѣ выводы г. Фиделя. Но стоитъ-ли? Достаточно одного—двухъ примѣровъ.

Г. Фидель утверждаетъ, что будто бы Чехову чужда была идея прогресса, что его «не обольщали иллюзіи свободы, равенства и братства». И это говорится о писателѣ, сочиненія котораго—это, съ одной стороны, скорбь о томъ, что жизнь—пошлая грязная, безмысленная—и, съ другой стороны, мечта о томъ, что другая жизнь—святая прекрасная, высокая, изящная непременно наступитъ!

Г. Фидель утверждаетъ, что будто бы Чеховъ не нашлъ ничего привлекательнаго въ русскомъ студенчествѣ и наклеилъ на него свою излюбленную этикетку «едотелы». Неправда. Прочитайте «Пережати поле», «Три года», «Припадокъ», «Вишневый садъ» и др. рассказы и повѣсти Чехова: вы увидите, съ какою любовью и вѣрой онъ относится къ студенчеству.

Г. Фидель усматриваетъ въ сочиненіяхъ Чехова «гоненіе на народъ». Утверждаетъ, что у Чехова не было «кры въ народъ, не было демократическихъ идеаловъ. И это неправда. Вспомните ныведенные Чеховымъ типы «мужиковъ»: сотскаго Лошадина (разъказъ «Изъ дѣламъ службы»), отца «мущика» («Прощаніе»), Олги («Мужики»); плотника — «Гидля» («Въ сарѣ»); маляга Рѣдько («Моя жизнь»). Вспомните слова героя «Моей жизни» о русскомъ мужикѣ: въ немъ есть что то нужное и важное, «а именно онъ вѣритъ, что главное на землѣ—правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любить справедливость». А г. Фидель утверждаетъ, что будто-бы, по мнѣнію Чехова, русскій мужикъ «просто никчемный и запущенный челоѣкъ»...

Чеховъ—большой художникъ. Это безспорно. Безспорно и то, что это былъ челоѣкъ съ душой кристальной чистоты. Зачѣмъ же понадобилось какому то г. Фиделю забрызгать его грязью? Не знаемъ. Но не можемъ не отмѣтить одного характернаго факта. Въ теченіе многихъ лѣтъ сочинялся г. Фидель, «развѣнчать» Чехова. Очевидно, что то удерживало. Рука не поднималась. И только теперь, спустя 5 лѣтъ послѣ смерти писателя, онъ рѣшился совершить свой подвигъ Герострата.

І. М.